

Глава 1

Когда Эйб Бронстайн преодолел последний поворот казавшейся бесконечной подъездной аллеи, его на мгновение ослепил яркий свет солнца, отразившийся от мансардной крыши особняка. Одного взгляда на это величественное здание во французском стиле хватило бы, чтобы у неподготовленного человека захватило дух, но Эйб никогда не отличался впечатлительностью, к тому же он бывал здесь уже десятки раз. Для него особняк был в первую очередь весьма дорогим предметом недвижимости, и тот факт, что великолепное здание в продолжение нескольких десятилетий оставалось одной из легенд Голливуда, во много раз умножало его реальную стоимость. Внешне оно напоминало те дворцы, которые строили для себя в Ньюпорте легендарные Асторы и Вандербильды, и было выдержано в стиле французского шато восемнадцатого века. Каждая его архитектурная деталь отличалась изысканностью и изяществом и буквально дышала роскошью. Особняк возвели в 1918 году для звезды немого кино Веры Харпер, которая в годы Великой депрессии сумела не только сохранить свое состояние, но и приумножить его, несколько раз удачно побывав замужем. В этом особняке она прожила больше сорока лет, в нем и скончалась в 1959 году в весьма преклон-

ном возрасте. Купер Уинслоу купил его год спустя через агентство по продаже недвижимости. У Веры Харпер не было ни детей, ни наследников, поэтому все имущество, включая особняк, она завещала католической церкви. Купер Уинслоу, чья карьера в те годы достигла своего пика, выложил за него астрономическую сумму, произведя настоящую сенсацию. Действительно, для двадцативосьмилетнего молодого человека, пусть и признанного одной из самых ярких звезд на голливудском небосклоне, подобный поступок был событием из ряда вон выходящим. Сам Куп, однако, считал иначе и был рад тому, что может поселиться в доме, полностью соответствующем его склонностям и вкусу.

Особняк, больше напоминавший дворец, стоял в самом сердце Бель-Эйр на участке площадью четырнадцать акров и был окружен парком и ухоженными садами. На участке были также теннисный корт и внушительных размеров плавательный бассейн, выложенный голубой и золотой плиткой. Сады и парк с несколькими фонтанами были разбиты по французскому образцу, и поэтому особняк вскоре прозвали «Голливудским Версалем» или просто «Версалем». И он вполне заслуживал такого названия. Дом был и внутри так же великолепен, как снаружи. Высокие сводчатые потолки комнат и залов были расписаны итальянскими и французскими мастерами; столовая и библиотека отделаны редкими породами дерева; что же касалось стальных панелей и паркета в гостиной, то они были вывезены из настоящего французского замка восемнадцатого столетия. И Купер Уинслоу стал достойным хозяином всей этой роскоши, ибо «Версаль» не только соответствовал его статусу суперзвезды, но и всем его привычкам и стилю жизни. Теперь Эйб Бронштейн

был только рад, что Куп сумел приобрести особняк не в рассрочку, а выложил всю сумму сразу, и хотя с 1960 года он дважды брал под него крупные кредиты, залладные почти не уменьшили его стоимости. До сих пор «Версаль» оставался самым дорогим частным особняком во всем Бель-Эйр, хотя оценить его было довольно сложно по той простой причине, что подобного дома не было, наверное, во всей стране, исключая разве что ньюпортские особняки, да и те, скорее всего, стоили дешевле, так как на рынке недвижимости дома в Бель-Эйр всегда были на порядок дороже, чем в любом другом месте. Не имело практически никакого значения даже то обстоятельство, что «Версаль» Купера Уинслоу в последнее время несколько обветшал. Все равно это был очень дорогой дом, который стоял на самой дорогой в стране земле.

Выйдя из машины, Эйб увидел четырех садовников, двое из которых выпалывали траву возле большого фонтана, а двое работали на цветочной клумбе неподалеку. Эйб сразу же мысленно сделал заметку на память: сократить штат садовников вдвое. Куда бы ни падал его взгляд, всюду он видел цифры, долларовые купюры, счета, квитанции и с точностью до нескольких центов знал, во что обходится Купу содержание «Версаля». По любым стандартам сумма была непомерно высокой, что же касалось самого Эйба, то он считал ее просто безобразной. Оказывая бухгалтерские услуги нескольким голливудским знаменитостям, Эйб привык не ахать, не ужасаться и не падать в обморок, когда ему становилось известно, сколько та или иная звезда потратила на свой дом, на новый автомобиль, на меха и бриллиантовые ожерелья для очередной любовницы, однако Купер Уинслоу превзошел их всех, вместе взятых. В глубине

души Эйб был уверен, что Куп тратит больше, чем принц Фарук. Вот уже без малого пятьдесят лет он швырял деньги направо и налево, хотя за последние два десятилетия не сыграл в кино ни одной сколько-нибудь значительной роли. В последние десять лет Куп и вовсе был вынужден исполнять лишь эпизодические роли с минимумом слов, за которые ему платили сравнительно мало, хотя и больше, чем любому другому не столь знаменитому актеру.

В свое время Куп сделал карьеру, играя ослепительных героев-любовников, он и с возрастом не изменил своему амплу, продолжая воплощать на экране неотразимых, хотя и стареющих плейбоев и повес. Несомненно, ему удалось сохранить и прежний блеск, и шарм, но ролей для него становилось все меньше и меньше. И, поднимаясь на крыльцо и нажимая кнопку звонка, Эйб снова подумал о том, что у Купа вот уже два года не было ни одной приличной роли в кино. Правда, Куп утверждал, будто ежедневно встречается с директорами и продюсерами и обсуждает с ними различные предложения, однако никакого видимого результата это не приносило, и Эйб был намерен поговорить с Купом серьезно. Купу необходимо было самым решительным образом сократить свои расходы, так как на протяжении последних пяти лет он жил фактически в долг. Куперу нужно было вернуться к работе, и притом срочно. Что это будет за работа, Эйбу было все равно. Пусть снимается в рекламе ближайшей мясной лавки, мрачно рассуждал он, лишь бы зарабатывал хоть какие-то деньги.

Впрочем, даже это не решало всех проблем. В первую голову Куперу Уинслоу предстояло существенно сократить свои траты, рассчитать домашнюю прислугу и садовников, продать некоторые из

своих автомобилей, перестать покупать эксклюзивную одежду и останавливаться в самых дорогих европейских отелях. В противном случае ему придется продать «Версаль», и, по совести говоря, Эйб предпочитал этот вариант любому другому, так как он позволял Куперу Уинслоу не только сразу решить все финансовые проблемы, но и сохранить значительные средства, чтобы не бедствовать до конца дней.

Наконец дверь открылась, и на пороге показался дворецкий в светлой утренней ливрее. Увидев Эйба, он величественно кивнул в знак приветствия. Ливермор давно усвоил, что любой визит Бронштейна приводит хозяина в прескверное расположение духа. Чтобы справиться с хандрой, Куперу требовалась целая бутылка шампанского «Кристалль» и — иногда — баночка икры. И то и другое Ливермор предусмотрительно положил на лед в тот самый момент, когда секретарша Купера Лиз Салливан предупредила дворецкого, что Эйб Бронштейн придет в двенадцать.

Лиз дождалась Эйба в облицованной розовым деревом библиотеке и, едва заслышав звонок, вышла в центральный холл, чтобы встретить его. В библиотеке Лиз сидела с десяти утра, готовя для Эйба необходимые документы, и на душе у нее было неспокойно. Еще вчера вечером она пыталась предупредить Купа, о чем, по ее мнению, пойдет разговор, но тот был слишком занят, чтобы внимательно ее выслушать и что-то запомнить. Купер Уинслоу готовился к важному приему на самом высоком уровне, и ему необходимо было привести в порядок прическу, сделать массаж и немного вздремнуть, чтобы не зевать потом весь вечер. А утром Лиз его уже не застала. Куп встал необычно рано и сразу же уехал в «Бeverли-Хиллз-отель», чтобы позавтракать с продюсером, предложившим обсудить его возможное

участие в своем фильме. Впрочем, в том, что у Купа нашлось неотложное дело, Лиз ничего странного не видела; его всегда было очень трудно найти, когда в воздухе пахло неприятностями. Казалось, Куп наделен сверхъестественной способностью заранее чувствовать вещи, о которых предпочитал не слышать и не знать, и уклонялся от них с изяществом и ловкостью, которыми можно было восхищаться. Но на этот раз ему было не отвертеться, хотя Куп, возможно, об этом еще не догадывался. На этот раз он непременно должен был выслушать своего бухгалтера. В конце концов Лиз все-таки дозвонилась до него, Куп скрепя сердце пообещал вернуться домой к двенадцати. В данном случае это означало, что Куп появится не раньше двух или в лучшем случае половины второго.

— Добрый день, Эйб, рада вас видеть, — приветливо поздоровалась Лиз. Она была одета в белый джемпер и слаксы темно-оливкового цвета, которые не особенно ей шли, подчеркивая бедра, изрядно раздавшиеся за двадцать два года работы у Купа. Впрочем, ее лицо, обрамленное пушистыми белокурыми волосами, оставалось по-прежнему миловидным, а когда Куп нанимал ее, Лиз и вовсе выглядела как девушка с рекламы шампуня «Брек».

Между Купом и Лиз была любовь с первого взгляда, которая оставалась, впрочем, чисто платонической — во всяком случае, со стороны актера. В Лиз он ценил не столько внешность, сколько ее навыки отличной секретарши, а также ту материнскую заботу, которую она стала проявлять к боссу с самого начала своей службы у него. Тогда Куперу было уже под пятьдесят, но он был ее кумиром, и Лиз обожала и боготворила его. На протяжении всех двадцати двух лет она была тайно влюблена в Купера и по-

святила себя преданному служению предмету своей страсти. Работая подчас по четырнадцать часов в день, Лиз не жалела сил, стараясь поддерживать дела патрона в идеальном порядке. Она старалась всегда быть под рукой на случай, если понадобится своему кумиру; неудивительно поэтому, что Лиз так и не обзавелась собственной семьей и детьми. Это была жертва, принесенная ею на алтарь безответной страсти, и Лиз до сих пор считала, что Куп этого заслуживает.

Иногда он заставлял ее тревожиться, и довольно сильно. В последние годы это происходило все чаще. Для Купа как будто вовсе не существовало такой вещи, как реальность; все проблемы он воспринимал как временное неудобство, как досадный и надоедливый пустяк, вроде жужжания moskitov над головой, и стремился уклониться от их решения любой ценой. Он слышал только то, что хотел слышать, то есть обращал внимание лишь на те новости, которые были приятными. Все остальное он отсортировывал и отбрасывал задолго до того, как плохие известия достигали его ушей и успевали внедриться в сознание, — и по большей части это сходило ему с рук. Но только не сегодня. Сегодня Эйб специально приехал в «Версаль», чтобы открыть ему глаза на действительное положение дел вне зависимости от того, хочется этого Куперу или нет.

— Привет, Лиз. Куп дома? — сурово спросил Эйб. Он не очень любил иметь дело с Купером Уинслоу — слишком разными людьми они были.

— Еще нет, — ответила Лиз и, радушно улыбнувшись, провела бухгалтера в библиотеку. — Но он обещал быть с минуты на минуту, — добавила она, пригласив Эйба садиться. — Куп поехал на переговоры насчет главной роли.

— В чем? В мультфильме для детишек дошкольного возраста? — буркнул Эйб, и Лиз дипломатично промолчала. Она едва сдерживалась, когда о ее обожаемом патроне говорили в подобном тоне. В глазах Лиз Куп был непогрешим, хотя она и понимала причины раздражения и тревоги Эйба. Куп не слушал его советов, а между тем его финансовое положение с каждым годом все больше ухудшалось; в последние же двенадцать месяцев оно и вовсе стало катастрофическим. «Его нужно остановить!» — так сказал Эйб, когда накануне вечером Лиз разговаривала с ним по телефону. Сегодня он приехал к Купу, чтобы исполнить свое намерение, и был очень недоволен, что актера, как и всегда в подобных случаях, не оказалось дома. Впрочем, Куп опаздывал почти постоянно, опаздывал всюду и всегда, но он умел быть настолько обаятельным, что люди охотно прощали ему подобное поведение. Даже Эйб, хотя подчас и скрипел зубами от злости, еще ни разу не уехал, не дождавшись возвращения своего ветреного клиента.

— Не хотите ли выпить чего-нибудь, Эйб? — спросила Лиз, привычно разыгрывая роль хозяйки, которая извиняется перед гостем за необязательно-го хозяина. Ливермор стоял рядом с невозмутимым видом, который сохранял при любых, даже самых скандальных ситуациях. Правда, ходили слухи, будто один или два раза Куперу удалось-таки заставить своего дворцового улыбнуться, но никто этого не видел, да и Лиз этому не верила — Ливермор был слишком хорошо вышколен, чтобы позволить себе такой *faux pas*¹, как улыбка.

¹ *Faux pas* — ложный шаг, промах (фр.). (Здесь и далее — прим. пер.)

— Нет, спасибо, — буркнул Эйб. Он старался сохранять непроницаемое выражение лица, но ему это плохо удавалось. Лиз, во всяком случае, ясно видела, как растет, грозя выплеснуться наружу, его раздражение.

— Тогда, может быть, чаю со льдом? — снова предложила она, стараясь хоть как-то отвлечь Эйба и успокоить его, прежде чем он встретится с Купом.

— Что ж, пожалуй, — сухо кивнул Эйб. — Как ты думаешь, на сколько он опоздает сегодня?

Часы показывали пять минут первого, и им обоим было совершенно ясно, что раньше чем через час или полтора Купа ждать нечего. Оба, впрочем, знали, что по прошествии этого срока он появится, вооруженный каким-нибудь правдоподобным объяснением, и станет улыбаться своей знаменитой чарующей улыбкой, от которой у женщин обычно появлялась приятная слабость в ногах. На Эйба, однако, эти улыбки давно уже не действовали.

— Думаю, что ненадолго, — ответила Лиз. — Куп говорил — это только предварительная встреча. Продюсер собирался показать ему сценарий.

— Что за сценарий, хотел бы я знать?! Опять ему предложат какую-нибудь крошечную роль.

Самыми последними ролями, которые сыграл в кино Куп, были роли без слов; фактически он появлялся на экране только в качестве статиста, правда, очень живописного статиста. Особенно любили режиссеры сажать его с какой-нибудь красавицей в баре, куда по ходу действия заходил главный герой или героиня. Куп называл это «играть мебель». Иногда ему удавалось произнести одну или две фразы, но такое случалось редко. Для эпизодических ролей он был слишком известен, да и внешность у него была, что называется, фактурная. Куп снимался поч-

ти исключительно во фраке или в смокинге, а его быстрое через край обаяние привлекало к нему чересчур большое внимание. О дополнительных льготах в его контрактах в Голливуде до сих пор ходили легенды. Каким-то образом ему удавалось оставить за собой все костюмы для съемок, которые шились по специальному заказу его любимыми портными в Париже, Лондоне и Милане. Но этого ему было мало, и, к огромному неудовольствию Эйба, Куп продолжал приобретать изысканную одежду, а также хрусталь, антиквариат и дорогие картины во всех местах, где ему случалось бывать. Счета за эти покупки, включая «Роллс-Ройс» последней модели, регулярно оказывались на столе Эйба, едва не доводя бухгалтера до нервного срыва. Недавно он узнал, что Куп, так сказать, «положил глаз» на эксклюзивную модель «Бентли Азур» с откидным верхом и турбоприводом стоимостью в полмиллиона долларов, и был готов немедленно позвонить ему, чтобы обругать последними словами. С точки зрения Купа, однако, эта машина была прекрасным дополнением к уже стоявшим в его гараже двум «Роллс-Ройсам» (один седан, второй — с откидным верхом) и лимузину «Бентли» ручной сборки. Костюмы и машины были для него не роскошью, а предметами первой необходимости. Куп совершенно искренне считал, что не может без них обойтись, и до сегодняшнего дня Эйб ничего не мог с ним поделать.

В библиотеку вошел слуга с двумя стаканами охлажденного чая на подносе (Ливермор незаметно исчез минуты две назад). Он не успел еще покинуть комнату, как Эйб, нахмурившись еще больше, обратился к Лиз.

— Купу придется рассчитать прислугу. И я хочу, чтобы он сделал это сегодня же, — сказал он, и слуга с беспокойством покосился на бухгалтера.

Перехватив этот взгляд, Лиз поспешила улыбнуться, чтобы успокоить молодого человека. Это была ее обязанность: успокаивать, умиротворять слуг и кредиторов — и платить по счетам. Правда, прислуге она всегда старалась заплатить в первую очередь, и все же несколько раз Лиз не смогла вовремя достать деньги и вынуждена была задержать зарплату на месяц или два. Прислуга, впрочем, никогда не выказывала недовольства. Сама Лиз не получала содержания уже полгода, так как вся ее зарплата уходила на затыкание дыр в бюджете хозяина, но она не особенно переживала по этому поводу, хотя каждый раз ей было нелегко объяснить жениху, который у нее наконец появился, почему она столько времени работает на Купа бесплатно. Лиз знала, что возьмет свое, когда Куп снимется в рекламе или, возможно, сыграет эпизодическую роль в новом фильме, к тому же она могла позволить себе быть терпеливой, так как, в отличие от своего босса, сумела отложить кое-что на черный день. Тратить деньги ей было некогда и не на что, так как у Купа она жила фактически на всем готовом и могла экономить, да и патрон был неизменно щедр к ней.

— Может, не стоит так спешить? — спросила Лиз, не скрывая беспокойства. — Слуги тяжело это воспримут. Может быть, уменьшать количество работников постепенно?

— Куперу нечем им платить, Лиз, и ты это знаешь, — возразил ей Эйб. — У него нет денег. Я мог бы посоветовать ему продать машины и дом. За машины он много не выручит, но особняк... Если продать «Версаль», мы сможем выкупить обе за-